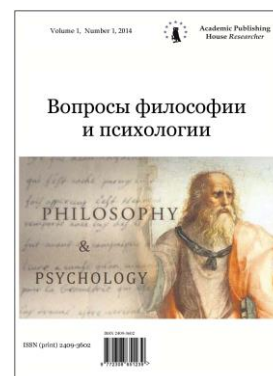

Published in the Slovak Republic
Voprosy filosofii i psikhologii
Has been issued since 2014.
E-ISSN 2414-0856
2019, 6(1): 28-35

DOI: 10.13187/vfp.2019.1.28
www.ejournal20.com

Synthetic Concept of Truth: Development Prospects

Nikolai I. Gubanov ^{a, *}, Nikolay N. Gubanov ^b

^a Tyumen State Medical university, Russian Federation

^b Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Russian Federation

Abstract

Some philosophers are unjustified in their attempts to remove the category of truth from philosophy and science and to replace it with the concepts of sense, validity, and plausibility. This paper considers classical and non-classical concepts of truth. The paper aims to substantiate the hypothesis about the possibility of synthesizing rational features of existing concepts and creating a universal (general) theory of truth. This theory can be built on the concept of correspondence, since only here the essence of truth is defined as knowledge corresponding to reality. Other concepts reflect, with varying degrees of accuracy, different characteristics of true knowledge, the conditions for its acquisition, justification, acceptance in the scientific community, functioning, use, and in some cases equate the essence of truth with its criterion.

Keywords: truth, paradoxical self-reference, concepts of truth, universal concept of truth, correspondence theory, truth criteria, empirical verification.

1. Введение

С самых истоков философского познания понятие истины было одним из главных её понятий. Пифагором, который ввёл в культуру само слово «философия», ещё в 6-м в. до Р.Х. утверждалось: "...Иные... рождаются жадными до славы и наживы, между тем как философы — до единой только истины" (Цит. по: [Губанов, 2003: 15](#)). Спустя более двух с половиной тысяч лет крупный учёный 20 в. Г. Рейхенбах утверждал: "Важнейшей целью научной философии можно считать установление понятия объективной истины в качестве высшего критерия философского познания" ([Рейхенбах, 1985: 17](#)). Итак, много веков философия ставила своей целью познание истины. В наше же время многие философы "жадными" до истины уже не являются: они пытаются обосновать необходимость отказа от этой категории.

Это выражается в разных формах. Так, А.В. Павлов отмечает: "Истина гуманитарной науки...имеет творческий...исторически и регионально меняющийся характер и нередко обозначается более слабыми понятиями *достоверности, правды и правдоподобия*" ([Павлов, 2010: 233](#)). Но чем предлагаемые им понятия отличаются от категории истины им не объясняется. В.М. Пивоев пишет: "Для естественного и технического знания важной характеристикой является истинность, но в сфере социальных и гуманитарных наук, в связи с присутствием субъективных интересов индивидов и масс, категория "истинности" не вполне применима, поскольку приобретает субъективно-оценочный подтекст, здесь

* Corresponding author

E-mail addresses: gubanov48@mail.ru (N.I. Gubanov), gubanovnn@mail.ru (N.N. Gubanov)

уместнее использовать категорию “достоверности” (Пивоев, 2013: 99). Каково содержание категории достоверности автором не разъясняется.

Необходимо, наконец, отметить наличие самой кардинальной позиции, заключающейся в признании необходимости устранения категории истины как из философского, так и из научного познания. Эту позицию разделяют Р. Рорти, Ж. Деррида и иные постмодернисты (Губанов, 2008). Их последователи есть и среди отечественных философов. Журнал “Эпистемология & Философия науки” провёл панельную дискуссию. Её участники пытались обосновать целесообразность введения в научное познание вместо категории истины иных понятий. Л.А. Маркова предлагала заменить категорию истины понятием смысла, она утверждала: “Нечеткость границы между классикой-неклассикой, истиной-ложью, субъектом-предметом приводит к понятию смысл, который присутствует в каждой из сторон противостояния” (Панельная дискуссия, 2009: 53). А.П. Огурцов утверждал, что «вместо понятия “истина” теорию науки можно построить на основе понятия “правдоподобность научных теорий”» (Панельная дискуссия, 2009: 66). Результат проведённой дискуссии свёлся к выводу о ненужности категории истины и для философии, и для науки. Но физики, химики, биологи, астрономы и представители всех других частных наук с таким выводом никогда не согласятся. Указанный журнал своей публикацией создал разрыв между собой и реальной наукой. Учёные, которым нет дела до сверхутопичных дискуссий постмодернистов и журнала “Эпистемология & Философия науки”, всегда искали истину и будут продолжать это делать в соответствии с их древним неофициальным титулом рыцарей истины.

Ж. Деррида, Р. Рорти и другие авторы, отрицающие значимость для науки понятия истины, попадают в ситуацию парадоксальной самореференции: они должны показать, как их положения относятся к их собственному учению (Губанов, Губанов, 2007). Если в результате деконструкции все классические категории, в том числе и категория истины, разрушаются, то они должны ответить на вопрос – истинны ли их положения. Если они дают положительный ответ, то его нельзя признать логически последовательным, так как ранее они провозглашали отсутствие истины. А в случае отрицательного ответа, т.е. признания ими своих положений неистинными, к их учению нельзя относиться серьёзно. Итак, при последовательном проведении постмодернистских положений происходит их самоликвидация: если истины вообще нет, то и положения постмодернистов неистинны (Губанов, Губанов, 2016а). Решение этого парадокса не дали ни западные, ни отечественные постмодернисты. Мы разделяем мнение Ф.А. Селиванова (2008), Г.Д. Левина (2011), С.А. Лебедева (2014) и других авторов о том, что понятие «истина» и в 21-м в. – главная категория теории познания и незаменимое ни каким другим понятие науки.

2. Результаты

В настоящее время выделены следующие теории научной истины: корреспондентская (аристотелевская), рассматривающая истину как соответствие знания предмету; когерентная – истина есть самосогласованное знание, соответствие некоторого положения иным положениям, которые уже приняты за истинные; конвенционалистская, представляющая истину как соглашение учёных об адекватности некоторых положений своему предмету; прагматистская, согласно которой истина – знание, приносящее пользу, успех в деятельности; инструменталистская, представляющая истину как описание совокупности операций, которые ведут к решению задачи; консенсуалистская, полагающая истину итогом когнитивных переговоров учёных о квалификации знания как истинного; интуитивистская – истина – знание, которое интуитивно очевидно, несомненно, которому не требуется эмпирическое обоснование и доказательство; эмпиристская, согласно которой истина представлена знанием, следствия которого подтверждены в наблюдении или в наблюдении и эксперименте; психологистская, представляющая истину как знание, основанное на вере учёных (Лебедев, 2014: 8-9).

По справедливому замечанию С.А. Лебедева, “главной объективной причиной неоднозначности решения проблемы истины... является качественное разнообразие различных видов научного знания” (Лебедев, 2012: 7). Он полагает, что “каждая из...концепций отражает...некоторый реальный аспект бытия реальной науки и процесса научного познания...Однако...у каждой из них есть и один достаточно серьёзный изъян.

Это их претензия на универсальность и необходимость” (Лебедев, 2012: 9). Возможен ли синтез адекватных моментов имеющихся теорий и разработка общей, универсальной теории истины? Мы полагаем, что это возможно. Существование многообразия когнитивных процессов и необходимость их познания представляют собой не какую-то специфическую, а типичную познавательную ситуацию, которая обусловлена диалектикой категорий общего и единичного. Движение от постижения единичного к постижению общего – единая закономерность всех познавательных процессов. К примеру, существует много патологических процессов, но выработано общее понятие «болезнь». Физик изучает много энергетических процессов, но имеется обобщённое понятие «энергия» и единицы её измерения. Поэтому возможна и выработка общего понимания истины. Отрицание этого привело бы нас к давно преодолённому номинализму: отдельные когнитивные процессы существуют, а общее понятие истины выработать нельзя. Скорее всего, универсальная концепция истины пока не разработана в связи с чрезвычайной сложностью и многообразием познавательных процессов.

Какое же содержание может иметь эта универсальная, или общая, концепция истины? Мы выдвигаем следующую гипотезу. Ядро универсальной концепции истины должно быть представлено теорией корреспонденции: лишь она обнаруживает сущность истины. Декарт чётко, наиболее кратко и ясно сформулировал сущность этой концепции: “Истина...означает соответствие мысли предмету” (Декарт, 1989: 604). Иные концепции с различной степенью объективности фиксируют разные стороны, признаки, функции истинного знания, способы его обоснования, признания членами научного сообщества, а ещё в ряде случаев приравнивают истину к её критериям.

Истинное знание непременно включает в себя информацию о некоторой конкретной реальности. То знание, которое замкнуто в своей собственной сфере и не относится к какой-либо действительности, истинным быть не может. Если нет соотносённости знания с предметом, то понятие истины лишается смысла. Беспредметной истины, истины ни о чём не бывает. По справедливому замечанию В.В. Ильина, “познание бывает либо предметным, либо никаким” (Ильин, 1993: 93).

И во всех познавательных процессах истина является соответствием между знанием и его предметом – тем, что субъект познаёт. В социальных, гуманитарных и философских науках объекты и предметы познания, а также и постижение истины, имеют свои особенности. У них более выраженная в сравнении с объектами естественных и технических наук степень уникальности, в содержание их объектов входит субъективная реальность, не обладающая физическими и химическими качествами. Однако эти особенности могут быть учтены без отказа от истолкования истины как соответствия знания своему предмету.

В 20 в. концепция корреспонденции испытала серьёзные трудности, что вызвало отказ от неё ряда философов и учёных. Одно из затруднений была порождена характером квантовомеханического объекта, который существует лишь в экспериментальной ситуации, а в натуральных условиях его нет, к примеру, потока определённых элементарных частиц. В связи с этим возникает вопрос: можно ли экспериментально полученные знания отнести к объективной реальности? Больше напрашивается заключение об отнесённости этих знаний не к объективной, а к сконструированной в эксперименте реальности, и, следовательно, стремление к выявлению соответствия между знанием и объективной реальностью смысла не имеет. Это заключение правдоподобно, но не истинно.

В период неклассической физики когнитивные проблемы усложняются: во-первых, необходимо установить соотношение знания и структуры эмпирического объекта, во-вторых, соотносить знание с физической картиной мира – тем, что называют дисциплинарной онтологией. «Вписывание» знания, полученного в экспериментальной установке при изучении эмпирического объекта, в дисциплинарную онтологию – сложная процедура.

Сложные для концепции корреспонденции обстоятельства сложились также, когда при изучении проблем квантовой механики, космологических гипотез, гипотез возникновения жизни на планете, геологических гипотез учёные не увидели возможностей как можно установить соответствие знания объекту из-за того, что отсутствовали прямые эмпирические подтверждения этих гипотез. Но тот факт, что эмпирические подтверждения не существовали, свидетельствует не о несостоятельности теории соответствия, а о том, что

эти подтверждения ещё не найдены. Представителями всех наук настойчиво ищутся эти подтверждения (или опровержения в случае ложных гипотез), и со временем они находятся.

Вспомним известный из истории науки эпизод. В первую половину 19 в. рассматривалось несколько гипотез о том, из каких химических элементов состоит Солнце. Но из-за 150 млн км расстояния до светила и чудовищных температур на нём невозможно было вообразить, как могут быть верифицированы эти гипотезы. О. Контом химический состав звёзд был назван непознанным и навеки непознаваемым фактом (Губанов, Губанов, 2016b: 52). И для современников Конта его утверждение представлялось неопровержимым. Однако, Г. Кирхгофом и Р. Бундзеном в 1859 г. был изобретён метод спектрального анализа. Этим методом и был установлен химический состав звёзд, в том числе и Солнца. На Солнце, к тому же, в 1868 г. обнаружили гелий, а на Земле это произошло только спустя 27 лет. Технические и научные открытия невозможно принципиально предсказать, в противном случае они бы не были открытиями. У нас имеется только возможность к экстраполяции уже имеющихся тенденций. По этой причине нельзя установить какие-либо границы постижения мира, так как нам неизвестно, что появится в науке и технике будущего. Наша задача – настойчиво и неустанно продвигаться вперёд в постижении мира.

Каким же может быть соотношение теории корреспонденции с иными концепциями истины? Сторонники теории когеренции, как отмечалось, трактуют истину как знание, согласованное с другим, достоверным, знанием. Истинное знание – это непротиворечивая система знания. Итак, в концепции когеренции происходит абстрагирование от предмета истины (познаваемой реальности) и по этой причине сущность истины в ней не раскрывается. Однако теория когеренции раскрывает целостность, системность, логическую непротиворечивость истинного знания. На указанных трёх качествах истинного знания основывается логический критерий истины, позволяющий доказать адекватность соответствующих положений, не прибегая к эмпирической проверке. Теория когерентности, как видим, является не альтернативной, как некоторые полагают, а дополнительной в отношении корреспондентской концепции и может служить обогащению содержания универсальной концепции истины.

Подобно этому, эмпиристская теория Ф. Бэкона также не обнаруживает сущность истинного знания, но показывает, что эмпирическое подтверждение служит критерием истины. Консенсуалистская и совпадающая с ней в ряде аспектов конвенционалистская теория выявляют условия, при которых научное сообщество принимает знание как истинное. Мы знаем, что не существует окончательного ни теоретического, ни опытного подтверждения истинности гипотез. Отмеченные две концепции могут выявить факторы, которые способны прервать регресс в бесконечность и признать гипотезу истинной. Так, консенсус в процессе когнитивных переговоров между учёными и принятие истинности гелиоцентрической гипотезы Солнечной системы были достигнуты примерно за 200 лет, принятие истинности неевклидовой геометрии – приблизительно 50 лет (Лебедев, 2012: 17).

В прагматистской концепции сущность истины приравнивается к ее критерию, который, притом, толкуется неверно (польза в делах). Но при правильной трактовке из этой концепции можно извлечь рациональное зерно об условиях использования научного знания во благо, а не во зло людям. Инструменталистская концепция может раскрывать условия использования истинных знаний для эффективной теоретической и практической деятельности. Существенную роль в когнитивных процессах играют субъективные факторы: воля, вера, интуиция, эмпатия, интроспекция (Царегородцев, Губанов, 1978). Эту роль способны раскрывать интуитивистская и психологистская теории истины. Они могут показать, каким должен быть менталитет учёного, способного принять на себя ответственность за принятие истины в ходе когнитивных переговоров (Губанов, Губанов, 2017). Итак, синтез адекватных моментов различных теорий истины, как мы полагаем, возможен, и его результатом может стать разработка универсальной теории истины.

Корреспондентская концепция истины отвергается рядом авторов на основе положения И. Канта о том, что человеку известны только собственные восприятия и ничего неизвестно о предметах самих по себе, вне восприятия. По их мнению, критерия истины нет, так как нельзя непосредственно сопоставить своё знание с предметом. По мнению Д. Юма, нельзя ещё считать, что предметы реально существуют. Но приведённые положения не опровергают теорию соответствия знания предмету. Кант, Юм и другие агностики и

скептики верно полагали, что человеку непосредственно даны ощущение и восприятие, но не сам предмет, который не может быть перенесён в сознание человека. Правильно и их положение о невозможности прямого сопоставления знания с предметом.

Но они не принимали во внимание наличие у субъекта косвенного, опосредованного опытом, способа сравнения двух образов как критерия истины (Царегородцев, Губанов, 1978). Человек исследует объект и формирует о нём знание. Пока неизвестно, истинно ли оно или нет. В последующем человек производит логические операции с полученным знанием и создаёт модель, или образ, ожидаемых событий или явлений. Далее или посредством эксперимента, или наблюдения за естественным ходом явлений человек сравнивает восприятие (образ) реальных явлений со своей моделью предполагаемых, предсказанных явлений. И в случае их совпадения человек признаёт то исходное знание, на основе которого создан образ ожидаемых явлений, истинным.

Например, Д.И. Менделеев при исследовании химических соединений открыл периодический закон. Используя этот закон, великий химик предсказал существование трёх ещё неизвестных химических элементов и их свойств. Предвидение учёного полностью подтвердилось: предсказанные элементы были найдены и получили названия галлия, германия и скандия. Как же можно объяснить совпадение образа предугаданных явлений с образом воспринятых явлений? Это совпадение можно объяснить лишь тем, что знания, которыми владел Д.И. Менделеев, были истинными, т.е. соответствовали действительности. А раз знания являются истинными, то и предметы этих знаний А истинность знаний свидетельствует о существовании предметов этих знаний.

Таким образом, совпадение ментально моделируемых результатов с данными опытной проверки подтверждает соответствие знания действительности и правомочность концепции корреспонденции. Итак, опытная проверка, являющаяся ведущим критерием истины и сводящаяся к сравнению образов предсказанных явлений с восприятиями реальных явлений, является косвенным способом сопоставления знания с реальностью.

И иного способа у человечества нет: уж такова природа нашей познавательной деятельности. И, говоря словами известного классика, «если это кого-то огорчает, то ему уж ничем нельзя помочь». К счастью, весь многовековой опыт развития науки, включающий в себя великие открытия, показывает, что замеченное Кантом и Юмом обстоятельство не является непреодолимым для науки препятствием. Представители самых разных наук не принимают во внимание положение агностиков и скептиков о том, что невозможно сравнить образ и предмет. Они пользуются описанным выше косвенным методом сравнения и непрерывно производят свои триумфальные открытия.

3. Заключение

Изложенное позволяет заключить о наличии принципиальной возможности синтеза рациональных элементов существующих теорий истины и разработки универсальной теории. Ядром последней следует признать корреспондентскую теорию, ибо лишь она признаёт необходимый для понимания сущности истины характер эпистемологического отношения между знанием и его предметом (Губанов и др., 2016). Когнитивный процесс осуществляется в системе «субъект-объект», даже в ситуации человекоразмерного объекта, при котором субъект в качестве элемента включается в объект. Теория корреспонденции констатирует соответствие знания предмету (части объекта) как истинное. А верификацией этого соответствия служит эмпирическое подтверждение, являющееся косвенной формой сопоставления знания с действительностью с помощью сравнения двух образов – предсказываемых явлений и действительных.

Итак, любым учёным неявно или явно используется корреспондентская теория. Её неявное использование происходит также в процессе присвоения учёных степеней во всех странах. Диссертации содержат определения предмета исследования и выносимых на защиту положений. Соискатель степени должен доказать соответствие его положений предмету исследования. А в этом и заключается истинность знания по корреспондентской теории. Наиболее значительный результат, по нашему мнению, должен быть достигнут на пути синтеза корреспондентской и когерентной теорий. Первой теорией выявляется сущность истинного знания, а второй – раскрывается его структура и системность. Иные

концепции истины тоже включают в себя рациональные моменты, и задачей последующих исследований является их экспликация и синтез.

Литература

Губанов и др., 2016 – Губанов Н.Н., Бушуева В.В., Губанов Н.И. От интернализма и экстернализма к концепции тройной детерминации творчества // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2016. № 10. С. 32-36.

Губанов, 2003 – Губанов Н.И. *Философия: учебное пособие для вузов*. Тюмень: Изд. центр «Академия», 2003. 320 с.

Губанов, 2008 – Губанов Н.И. Является ли философия наукой? // *Философия и общество*. 2008. №1. С. 196-203.

Губанов, Губанов, 2007 – Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Ницета философии постмодернизма // *Философия и общество*. 2007. №1. С. 54-68.

Губанов, Губанов, 2016b – Губанов Н.Н., Губанов Н.И. О возможности универсальной концепции истины и её критериях // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии*. 2016. № 2 (32). С. 49-58.

Губанов, Губанов, 2016a – Губанов Н.Н., Губанов Н.И. Критерии в системе научного знания // *Гуманитарный вестник*. 2016. №2 (40). С. 3.

Губанов, Губанов, 2017 – Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Роль менталитета в развитии общества: социокультурная гипотеза // *Вестник славянских культур*. 2017. Т. 43. № 1. С. 38-51.

Декарт, 1989 – Декарт Р. Рассуждение о методе / Р. Декарт. Соч. в 2-х т. Т.1. М.: Мысль, 1989. 654 с.

Ильин, 1993 – Ильин В.В. *Теория познания. Введение. Общие проблемы*. М.: Изд-во МГУ, 1993. 168 с.

Лебедев, 2012 – Лебедев С.А. Научная истина и ее критерии // *Новое в психолого-педагогических исследованиях*. 2012. № 4. С. 7-22.

Лебедев, 2014 – Лебедев С.А. *Курс лекций по философии науки: учеб. пособие*. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2014. 318 с.

Левин, 2011 – Левин Г.Д. *Истина и рациональность*. М.: Канон +, 2011. 224 с.

Павлов, 2010 – Павлов А.В. *Логика и методология науки*. М.: Флинта, Наука, 2010. 344 с.

Панельная дискуссия, 2009 – Маркова Л.А., Никифоров А.Л., Огурцов А.П., Моркина Ю.С. // *Эпистемология & Философия науки*. 2009. Т. XXII. №.4. С. 48-77.

Пивоев, 2013 – Пивоев В.М. Социальные и гуманитарные науки: специфика и соотношение // *Вестник Ишимского госпединститута им. П.П. Ершова*. 2013. №.3. С. 91-10.

Рейхенбах, 1985 – Рейхенбах Г. *Философия пространства и времени* / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1985. 343 с.

Селиванов, 2008 – Селиванов Ф.А. *Благо, истина, связь*. Тюмень: Изд-во РИЦ ТГАКИ, 2008. 260 с.

Царегородцев, Губанов, 1978 – Царегородцев Г.И., Губанов Н.И. Принципиальные основания существования адекватного и знакового отражения на чувственной ступени познания // *Вестник АМН СССР*. 1978. №4. С. 64-70.

References

Dekart, 1989 – Dekart R. (1989). *Rassuzhdenie o metode* [Discourse on the method]. R. Dekart. Soch. v 2-h t. T.1. M.: Mysl'. 654 p. [in Russian]

Gubanov, 2003 – Gubanov N.I. (2003). *Filosofiya: uchebnoe posobie dlya vuzov* [Philosophy: a textbook for high schools]. Tyumen': Izd. centr «Akademiya». 320 p. [in Russian]

Gubanov, 2008 – Gubanov N.I. (2008). *Yavlyaetsya li filosofiya naukoj?* [Is philosophy a science?]. *Filosofiya i obshchestvo*, 1: 196-203. [in Russian]

Gubanov i dr., 2016 – Gubanov N.N., Bushueva V.V., Gubanov N.I. (2016). *Ot internalizma i ehksternalizma k koncepcii trojnoj determinacii* [From internalism and externalism to the concept of triple determination of creativity]. *Alma mater (Vestnik vysshej shkoly)*, 10: 32-36. [in Russian]

Gubanov, Gubanov, 2007 – Gubanov N.I., Gubanov N.N. (2007). Nishcheta filosofii postmodernizma [The Poverty of the Philosophy of Postmodernism]. *Filosofiya i obshchestvo*, 1: 54-68. [in Russian]

Gubanov, Gubanov, 2016a – Gubanov N.N., Gubanov N.I. (2016). Kriterii v sisteme nauchnogo znaniya [Criteria in the system of scientific knowledge]. *Gumanitarnyj vestnik*, 2(40): 3. [in Russian]

Gubanov, Gubanov, 2016b – Gubanov N.N., Gubanov N.I. (2016) O vozmozhnosti universal'noj koncepcii istiny i eyo kriteriyah [On the possibility of a universal concept of truth and its criteria]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. Sociologiya i social'nye tekhnologii*, 2(32): 49-58. [in Russian]

Gubanov, Gubanov, 2017 – Gubanov N.I., Gubanov N.N. (2017). Rol' mentaliteta v razviti obshchestva: sociokul'turnaya gipoteza [The role of the mentality in the development of society: the sociocultural hypothesis]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*, 43(1): 38-51. [in Russian]

Il'in, 1993 – Il'in V.V. (1993). Teoriya poznaniya. Vvedenie. Obshchie problemi [Theory of knowledge. Introduction. Common problems]. M.: Izd-vo MGU. 168 p. [in Russian]

Lebedev, 2012 – Lebedev S.A. (2012). Nauchnaya istina i ee kriterii [Scientific Truth and its Criteria]. *Novoe v psichologo-pedagogicheskikh issledovaniyah*, 4: 7-22. [in Russian]

Lebedev, 2014 – Lebedev S.A. (2014). Kurs lekciy po filosofii nauki: ucheb. Posobie [Course of lectures on the philosophy of science: Textbook]. M.: Izd-vo MGTU im. N.E. Baumana. 318 p. [in Russian]

Levin, 2011 – Levin G.D. (2011). Istina i racional'nost' [Truth and rationality]. M.: Kanon +. 224 p. [in Russian]

Panel'naya diskussiya, 2009 – Markova L.A, A.L. Nikiforov A.L., A.P. Ogurcov A.P., Morkina Yu.S. (2009). *Ehpistemologiya & Filosofiya nauki*. T. XXII. №4. pp. 48-77. [in Russian]

Pavlov, 2010 – Pavlov A.V. (2010). Logika i metodologiya nauki [Logic and methodology of science]. M.: Flinta, Nauka. 344 p. [in Russian]

Pivoev, 2013 – Pivoev V.M. (2013). Social'nye i gumanitarnye nauki: specifika i sootnoshenie [Social and Human Sciences: Specificity and Ratio]. *Vestnik Ishimskogo gospedinstituta im. P.P. Ershova*, 3: 91-10. [in Russian]

Rejhenbah, 1985 – Rejhenbah G. (1985). Filosofiya prostranstva i vremeni [The philosophy of space and time]. Per. s angl. M.: Progress. 343 p. [in Russian]

Selivanov, 2008 – Selivanov F.A. (2008). Blago, istina, svyaz' [Good, truth, communication]. Tyumen': Izd-vo RIC TGAKI. 260 p. [in Russian]

Tsaregorodtsev, Gubanov, 1978 – Tsaregorodtsev G.I., Gubanov N.I. (1978). Principial'nye osnovaniya sushchestvovaniya adekvatnogo i znakovogo otrazheniya na chuvstvennoj stupeni poznaniya [Principal grounds for the existence of an adequate and significant reflection on the sensory stage of cognition]. *Vestnik AMN SSSR*, 4: 64-70. [in Russian]

Синтетическая концепция истины: перспективы разработки

Николай Иванович Губанов ^{a, *}, Николай Николаевич Губанов ^b

^a Тюменский государственный медицинский университет, Российская Федерация

^b Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана, Российская Федерация

Аннотация. Необоснованными являются попытки ряда философов устранить из философии и науки категорию истины и заменить ее понятиями смысла, достоверности, правдоподобия. Рассмотрены классическая и неклассические концепции истины. Цель статьи – обоснование гипотезы о возможности синтеза рациональных моментов имеющих концепций и создания универсальной (общей) теории истины. Ядром такой теории может

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gubanov48@mail.ru (Н.И. Губанов), gubanovnn@mail.ru (Н.Н. Губанов)

стать концепция корреспонденции в связи с тем, что только она раскрывает сущность истины как знания, соответствующего действительности. Остальные концепции отражают с разной степенью адекватности различные характеристики истинного знания, условия его достижения, обоснования, принятия научным сообществом, функционирования, использования, а также в некоторых случаях отождествляют сущность истины с ее критерием.

Ключевые слова: истина, парадоксальная самореференция, концепции истины, теория корреспонденции, универсальная концепция истины, критерии истины, эмпирическое подтверждение.